

рассказы

Антон ЛУКИН

село Дивеево

Нижегородской области

Зубная боль

Вечером у Семена Крылова разболелся зуб. Так окаянный стал ныть – хоть на стену лезь. Настродался Семен в сорок лет с этими зубами – хлебнул горяюшка. Был он мужик крепкий, плечистый, в молодые годы подражаться любил. Все село в кулаке держал. Да и кулаки его трудно назвать кулаками – как кувалды. Если кого угостит такой ручишей, враз тот сляжет. Две недели хворать будет, а то и больше. С годами, правда, немного утихомирился, но все равно по пустякам да с глупостью не досаждай его, не тревожь душонку. Озлится, посмотрит из-под бровей косо и пошлет на три советских. А коли кто и этих слов не поймет, поможет своей пудовой гирей. И не важно – сосед ты ему, родственник какой или начальник. Хоть министр. Никого не боится. Но лет шесть назад выяснилось, что это не так. Есть и у него слабое место. И этим местом оказался кабинет зубного врача.

Как подумает Крылов, что нужно к стоматологу идти, аж в пот бросает. Стоит только на секунду представить, как войдет он в кабинет, как усядется в кресло и начнут наболевший зуб сверлить, да еще иглой убивать нерв, плохо становится. Трясти начинается.

– Дай еще одну, – Семен обратился к жене, что лежала на диване и листала какой-то журнал. Та проигнорировала. – Тамара!

– И так уже три выпил. Потерпи.

– Таблетку!

Женщина, отложив журнал в сторону, ушла на кухню, принесла обезболивающее и стакан воды.

– На! Больше не проси. Не дам.

От супруга лекарства Тамара прятала, потому как знала, что дай ему сейчас волю – он за час всю упаковку употребит. С каждым разом таблетки помогали все меньше.

– Мужик тут с ума сходит, а ей хоть бы хны. Лежит-полеживает, журнальчики листает.

– Что же мне перед тобой, плясать?

– Начинается. Я ей – про Фому, она мне – про Ерему.

Тамара присела на диван.

— Сколько раз тебе говорить, что не лекарства мне эти жалко, а о тебе, дураке, забочусь. Чего ты их одну за другой глотаешь, словно аскорбинки?

— Я на тебя посмотрел бы, — обиделся Семен. — Легко языком чесать, когда ничего не болит.

— Нечего и смотреть. Я бы до последнего не сидела, не ахала и не охала. А пошла бы и вылечила зуб. Протянул кота за хвост, теперь мучаешься.

Тамара ушла на кухню. Семен, придерживая челюсть, прилег на диван. Хотел было уснуть, но не вышло. Не-ет, с этой болью ему не справиться. Все перетерпеть можно, но это... И ногу, и пальцы, и ребра ломал — терпимо. Тут же — крохотулька такая, с ноготь величиной, а ноет, стреляет так, словно душу режут. Глаз еще левый разболелся. Так всегда: только зубы заиграют — сразу и в ухо, и в глаз отдает. Зараза. И сколько раз обещал сам себе Крылов, что всё — завтра в больницу! Но, как водится, наступает это самое «завтра», ничего уже не тревожит и никуда не идешь. Хотя знаешь, знаешь прекрасно, что через несколько дней снова этот же зуб даст тебе «дрозда». Так заноеет окаянный — хоть в гроб ложись.

В сенях послышались чьи-то шаги. В дверь постучали три раза, и в избу вошел Игнат Тепкин.

— Хозяева дома?! — послышался с порога его веселый и наглый бас.

— Где ж им быть? — Тамара, вытирая полотенцем ладони, вышла в прихожую.

— Не выручите ли спичками, соседи?

— Чем?

— Шучу, — Тепкин улыбнулся. — Пару сотен не одолжите до вторника?

Тамара пристально посмотрела на соседа.

— На бутылку?

— На её, родимую, на её.

Женщина ушла в комнату за деньгами. Семен с дивана наблюдал за Игнатом. Ждал, когда тот что-нибудь скажет. Этот без шуточки обойтись не мог. Недолюбливал его Крылов за орлиный нос и игривый характер. Седина на висках, а все хиханьки да хаханьки. Не понимал Семен, когда взрослый мужик ведет себя словно дите малое. Смотреть противно. Потому-то, бывало, и получал Игнат от соседа по худой шее. Но это так... больше для профилактики, чтоб не лез. Хотя и это словно вилами по воде. Сколько ни ругайся с ним, сколько ни води кулаком перед

носом, все нипочем. Не понимает. Дурак, он, видно, и есть дурак. Зато бабам его прибаутки нравятся. Но с этими тоже все ясно. С их парами извилин только и дело, что смеяться не пойми над чем. Покажи палец — со смеху лопнут.

— А ты чего барином разлегся? — не вытерпел все-таки Игнат.

Крылов промолчал. Вернулась Тамара.

— Вот, держи. Ольге только не говори, где взял.

— Что я, совсем, что ли, — сказал сосед и кивнул на Семена: — Чего он у вас, захворал, что ли?

Тамара только рукой махнула:

— Зуб разболелся. Вот и мучается.

— Зуб? Ха! — выдохнул Игнат. — Так ведь есть одно очень хорошее старинное средство. Вмиг вся хворь уйдет. Как рукой снимет.

— Что за средство? — поинтересовалась Тамара. Семен прислушался.

Игнат прошел на середину комнаты ближе к больному и остановился.

— Нужна длинная нитка, а лучше — леска. Один конец я привязываю к дверной ручке, а другой... слушаете? Внимательно сейчас. А другой, Сеня, тебе в рот, вернее к зубу. Ты глазки закрываешь, я дверью — оп! и зубик твой у меня на ладони. Вот и весь фокус.

Тепкин подмигнул Крылову глазом и расплылся в улыбке.

— Я тебе сейчас... — Семен приподнялся с дивана.

— Угомонись! — прикрикнула Тамара и поспешила выпроводить гостя за дверь. — А ты нашел время шутить.

— Так ведь... — Игнат что-то хотел сказать в оправдание, но соседка закрыла перед самым его носом дверь.

Семен по-прежнему кряхтел и стонал, придерживая ладонью челюсть.

— Завтра же вырву его к чертям собачьим! — со злобой прохрипел он. — Хватит!

— Давно пора, — поддержала жена.

— Лишь бы только Андрей Евгеньевич отпустил в город. У него ведь, сама знаешь, семь пятниц на неделе.

— Никаких городов, — возмутилась Тамара. — В нашу больницу пойдешь.

— Ага, щас! Разбежался.

— Надо будет — побежишь как миленький.

В город в платную поликлинику Семен ездил

уже четыре раза. Каждый раз тянул резину до последнего, пока зуб не раскрошится, как грецкий орех. Залатают его там, запломбируют опытные стоматологи, и будет зубик сиять белизной как новенький. Но и возьмут за такую работу чуть ли не весь Сенькин аванс. В тот момент Семен готов отдать и две своих зарплаты — только попроси. В эти страшные для него минуты, находясь в кресле с открытым ртом, сидит он ни жив ни мертв. И хотя зуб со всех сторон обколот уколами, страх не покидает его бедное сердечко до последней секунды, пока он с онемевшей челюстью не окажется на улице. Никогда бы не подумал Крылов, что будет чего-то так сильно, с таким безумием бояться. Все-таки каждый человек по-своему слаб. Вроде и крепкий на вид, ничем, казалось бы, не возьмешь, ан нет, и у него есть тайное окно — слабое место. У каждого свои страхи.

Когда Крылов залечивал первый зуб, то ли заморозка попалась слабая, то ли брак, а только как коснулись иглой оголенного нерва, словно током ударило. Чуть из кресла не выпрыгнул. И теперь каждый раз, открывая в зубном кабинете рот, Семен ждет этой резкой пронзительной боли. И пусть полчелюсти онемело с языком, все равно он знает, он ждет — будет больно.

— На эти деньги мы лучше пылесос возьмем. А зуб и у нас вырвут. Не переживай, — сказала Тамара. — Еще за это платить. Не аристократы.

— Какие мы умные, — возразил Семен. — А про Шпаликова ты уже позабыла? Сколько раз тебе говорить, что к нему я ни ногой.

— Что он тебя там, съест, что ли?

— Съест не съест, а, поди, только и ждет, как я к нему приду, сниму шляпу и сам усядусь в его капкан. Здрасьте, мол, Владислав Арсеньевич, а вот и я собственной персоной. Делайте со мной что хотите, — Крылов на секунду приумолк. — Он ведь мне там, через рот, всю душу изуевчит.

— Нужен ты ему больно! — изумилась Тамара. — Все село ходит, и ничего. Даже хвалят!

— Ты не забывай про его хиленький носик, — напомнил Семен. — Я у него давно в черном списке. Только вопрос времени — когда!

— Поди, позабыл уж про тебя десять раз, — сказала супруга. — Это во-первых, а во-вторых, он же врач и давал клятву Гиппократу.

— Кому?.. Я тебя умоляю.

Семен взялся за челюсть, зажмурился. Зуб

выстрелил новым зарядом боли. И на этот раз обезболивающее помогло ненадолго. Совсем не берет. Так, отпустит на немного и опять заноет с новой силой, хоть челюсть выдирай. Видно, изошло все его время, пришла пора. И как бы ни было тяжело, Крылов понимал — нужно идти в больницу.

— Ну, хочешь, я сама с Владиславом Арсеньевичем поговорю? Что он, не человек, что ли?

— Я тебе поговорю!.. Так поговорю!.. — Семен из-под бровей глянул на жену. — Не хватало на старости лет такого позора.

— А чего бы и нет? Чай, он тоже не дурак и все понимает, что пользоваться своим рабочим положением — это ведь тоже... извините меня, подсудное дело. Мы закон знаем. И пусть не думает, что откуда-то из лесу вышли, — Тамара стала умничать. С ней это бывало. — Пришел к нему в кабинет и не трясись, как зайка серенький перед волком, а будь умнее. Прикинься грамотным. Сядешь в кресло и так, между словом, ненароком, будто бы завязать разговор, спроси его... Вот же народ интересный в нашем правительстве... Что ни день — то новые поправки. Не читали, Владислав Арсеньевич, Уголовный кодекс в переработке? Что ни указ — то новый подпунктик. Этот, естественно, не читал ничего. Сразу в штаны наложит. Поймет, что тебя голыми руками не возьмешь, — сказала Тамара важно. — Пусть нас сами бояться, — и, улыбнувшись, подошла к мужу. — Так что, Сенечка, будь умнее. Голова предназначена, чтобы думать, а не лбом гвозди забивать.

Крылов сквозь боль засмеялся. Умела жена его все-таки иной раз удивить. Вот, скажите на милость, откуда у ней эта идея взялась? Как вообще пришла в голову? Ладно бы где в конторе сидела, а то ведь доярка. Что ей, коровы, что ли, нашептали, пока она за вымя дергала? Ох, бабы, бабы — ушлый народ. Насмотрятся детективных сериалов, потом строят из себя Агату Кристи.

— Вот что. Как бы там ни было, а к Шпаликову с разговором не лезь, — велел Семен. — Запрещаю.

— Но и ты у меня в платную поликлинику деньгами сорить губу не раскатывай. Пока дите в школу не оденем и крышу в хлеву не заменим, ты у меня про каждую лишнюю копейку забудь, — обиделась супруга.

Тамара отправилась в спальню. Семен поп-

росил еще таблетку, но та и ухом не повела, зашла в комнату и прикрыла дверь.

Полночи Семен не мог заснуть. Ворочался с боку на бок — всё никак. Да разве уснешь тут, когда болит. Как струна растягивается боль, не унимаясь. А после обрывается — блям! Хоть к потолку подпрыгивай. Вспомнился Шпаликов. Не хотелось о нем думать в эти минуты, но его физиономия крепко засела в памяти после сегодняшних разговоров. Стоматологом он был действительно хорошим. Со всего района ездили к нему люди и хвалили. Просто так говорить не будут, значит, и впрямь золотые руки в этом деле. Только вот Семену в его кабинет дорога была закрыта. Была неприятная история лет восемь тому назад. Владислав Арсеньевич тогда только из города приехал и устроился в больницу. И так случилось, что в первые же дни их пути пересеклись в магазине, когда Семен пьяный (отмечал День пограничника) разбушевался у прилавка. Владислав Арсеньевич сделал тому замечание, заступившись за кассиршу, за что тут же получил в лоб. Звезданул Семен разок худощавому специалисту и сразу же сломал нос. Отсидел пятнадцать суток, выплатил денег и больше об этой истории старался не вспоминать. Хотя помнил прекрасно, как тот кровавым ртом прохрипел: «Ничего, земля круглая!» Тогда Семена это веселило. Ну что мог этот прыщ в рубашке ему сделать? Теперь же, вспоминая его слова, они не казались ему нелепыми. Оказывается, и этот худощавый, по сравнению с ним, слабый человек может и ему при удобном случае сделать больно. Попробуй иди сядь в его кресло, своими костлявыми ручищами он покажет тебе, где раки зимуют и что земля действительно круглая. В этом Крылов не сомневался.

Утром, собираясь на работу, Тамара вновь спросила мужа, не поговорить ли ей с Владиславом Арсеньевичем.

— Тут времени нет перекурить нормально, а ты с больницей своей привязалась, — буркнул Семен, надевая рубаху. — Работать надо.

— Опять начинается? Перестал зуб болеть, засиял как лысый на солнце. Снова через два дня плакать же будешь.

Семен улыбнулся, поцеловал жену и покинул избу. Зуб действительно уже не болел, и думать о нем в такое прекрасное утро совсем не хотелось.

Дядя Вася

— **П**осмотри, какой он маленький и голодный, давай оставим его у нас, — просила сестренка. Я стоял рядом и держал в руках котенка, который только недавно открыл глаза.

— А куда мы Базьку денем? — спрашивала мама.

— Никуда. Будут жить вместе. Он станет ему папой, — отвечала Валюша.

Мама вздохнула. Мы с сестрой смотрели на нее с такими лицами, словно нам только что показали игрушку, но играть ею пока не велят. Мама шла на хитрость:

— Тогда придется Базилио уйти жить на улицу.

— Ничего, — заявляла Валюшка. — Он не пропадет.

— И тебе его не будет жалко?

Валя молчала. Я постарше сестренки и знаю, что никуда Базьку не выгонят. Ага, так он и ушел.

— Не будет, — утверждал я.

Котенка оставляли до поры до времени. И пока мы с сестрой по очереди тискали и кормили живую игрушку, мама размышляла, кому бы его отдать. Как правило, долго котята у нас не задерживались. Но на смену одним приходили другие. И мы все так же упрашивали маму оставить этот дрожащий пушистый комочек у нас. Не представляли мы, дети, как можно такого кроху бросить одного на холоде и под дождем. Мама понимала это. Но так же знала и то, что если каждый раз поддаваться нашим уговорам, квартира в скором времени превратится в звериный приют. И потому котят всегда оставляли до первого хозяина, который, правда, появляться обычно не спешил.

Из всех котов, что у нас жили, мне хорошо запомнились Базилио и Васька. Хотя много их было. Только отчего-то все не уживались подолгу. Базилио прожил с нами семь лет. Любимец отца. Папка любил кошек. Когда вечерами смотрел телевизор, Базилио всегда лежал рядом. Стоило отцу уйти на кухню, кот шел следом. Раздавалось громкое просящее мяуканье. Иногда слышался папин крик:

— На! На! Когда же ты лопнешь!

Наш кот имел одну странную и раздражав-

шую всех привычку. Он постоянно хотел есть. Был жадным на еду. Сколько ему ни дай — всё будет мало. Уже и не лезет, и не хочет, а все равно орет. От меня всегда получал тапкой. Наверное, поэтому шуточки свои со мной такие не выкидывал. Только папка шел на поводу у избалованного Базьки. Но и он иногда срывался и кричал на наглую кошачью морду.

А вот кота Ваську я любил. Он был такой же окраски в полоску, как и Базилио, только не ленивый. Васька был грозой птиц. Ловко карабкался по деревьям, быстро бегал и умело охотился на голубей и воробьев. Любил подражаться. Всех котов побил в нашем дворе. Забегал и в чужие дворы схлестываться с местными котами. Мальчишки прогоняли его то палками, то камнями, но тот все равно забегал в их двор и хозяйничал. Я уважал Ваську.

— Эх, Васек-Васек, не умрешь ты своей смертью, — говорила бабушка. Мама забинтовывала побитому хулигану лапы, мазала зеленкой уши, лоб и соглашалась с бабушкой.

Бывало, и в нашем дворе доставалось ему от соседей. Поймает голубя, распотрошит — одни перья кругом. Кому это понравится? Особенно доставалось ему от старика Василия, который часто мешал охоте. Заприметит кота, крадущегося к воробьям, что беззаботно трепыхаются в пыли, щелкнет кнутом. Васька — в одну сторону, птицы — в другую.

— Чаво глазами рыщешь? — спрашивал меня дядя Вася. — Разбойника своо любимого потерял? Не ишшы. В крапиве он.

— Как?

— Так. Сколь раз говорил, будет озорничать — пришибу.

Я заглядывал в крапиву, обжигался, топтал ногами жгучую траву и никого там не находил.

— Нету? — ухмылялся дядя Вася. — Ниче. Не седня — завтра там будет. Ушибу чем-нибудь.

— Только попробуй! — выкрикивал я.

— Поговори мне ишо. Заступничек нашелся. Я ему за голубя... Божью птицу губит.

— А чего они здесь разлетались?

— Ишь ты! Тебя забыли спросить. Мал ишо так рассуждать.

Старик Василий присаживался на лавку, поправлял кепку, смотрел на меня добрыми глазами.

— Зачем кота Васькой назвал? Рази можно животному имя человечье давать? Антоном небось не кличешь. А чаво? Вышел из дому и кричи, чтоб все слышали: «Антошка! Антошка!» А я посмеюсь.

Дядя Вася шутя бранился. Я отмахивался рукой, молчал. Любил он порой без злобы за что-нибудь меня проучить. Я, как правило, не молчал и тоже говорил в ответ что-нибудь умное. Дядя Вася в шутку сердился, щурил глаза, но кончики губ его улыбались. Я видел это и потому отчаянно спорил. Но так бывало не всегда. Если случалось где набедокурить, тут уж держись. Мог и по спине огреть. Старик не был злым, но озорства не терпел. Только вот кто не озорует мальчишкой? Но дяде Васе это не объяснишь. Был он большим тружеником. С раннего утра и до позднего вечера всегда чем-нибудь занимался. Небольшого роста, ходил в зеленой рубашке, рукава которой заворачивал по локти, и в синем трико. Во время работы на руках его взбухали толстые вены. Очки, которые он надевал, когда что-нибудь делал, крепились обычной резинкой. Во дворе, перегородив небольшой участок забором под огород, трудилась его супруга — тетя Нина. За деревянным общим туалетом стоял их хлев с огромными сушилами наверху. Живность у дяди Васи имелась. Свиньи, козы, овцы, куры и даже теленок, которого выгонял поутру и привязывал к иве. Коз и овец пас, а чтобы те не разбегались кто куда, у дяди Васи висел на плече настоящий пастуший кнут. Щелкнет им — аж в ушах звенит. Тут поневоле по струнке заходишь. Я тоже научился бить кнутом. И даже неплохо у меня выходило. Но не сразу он стал послушным в моих руках. Бывало, махнешь разок — как розгой ударил по земле. Полоса длиннющая.

— Кто так бьет? — говорил дядя Вася. — Выше задирай. Сильней лупи.

И я лупил. Старался как можно резче и сильней хлестануть о землю. Но ничего не получалось.

— Э-э, — кивал головой дядя Вася. — Это не со старшими пререкайся. Гляди суда!

Дядя Вася брал кнут. Тот оживал в его крепкой ладони и вытворял чудеса. И со спины, и с боку щелкал по земле и, не касаясь ее, над го-

ловой разрезал воздух. Только пыль клубилась у ног. Я восхищался и с жадной завистью смотрел на волшебные руки старика.

— Ну, чаво здесь сложного? Дурак и тот сможет.

Мне было обидно. Раз уж дурак сможет так же, то почему у меня не выходит. Я брал кнут и пробовал снова. Но ничего не получалось. Дядя Вася посмеивался:

— Руки, они ить тоже не только из плеч растут.

Я сердился и всеми силами хотел доказать, что и я могу, что ничем не хуже. Обида душила, слезы наворачивались на глаза, рука уставала. В тот момент, когда я готов был уже сдать, раздался долгожданный щелчок. Сердце мое дрогнуло. Я оглянулся. Дядя Вася одобрительно кивнул. Я расплылся в улыбке. Попробовал снова — не получилось. Но теперь-то я не отчаивался. Я знал: дело пойдет. И правда, ничуть не хуже научился потом. Так же умело хлестал, рассекая воздух и пыль поднимая столбом.

Рано утром дядя Вася уходил косить траву к парку Победы, что располагался неподалеку от нашего дома, рядом с храмом. Под вспотевшей рубахой играло красное, жилистое его тело. Он любил работу, и работа его любила. Потому всегда с какой-то блажью и восторгом я наблюдал за ним, когда он брался за дело. Все в его маленьких скрюченных ладонях оживало и работало как часы. Будь то пассатижи, наждак, топор или коса. Умел все. Затем на самодельной тачанке привозил скошенную траву в наш двор и расстилал для сушки возле своего гаража.

Мы, детвора, любили во что-нибудь поиграть и всячески подурачиться. Одной из забавных игр была игра «двенадцать палочек». Смысл игры был таков — на какое-нибудь полено или кирпич клали доску и на один ее край — двенадцать палочек. Разбивали. Пока тот, кто водит, собирает палочки, другие разбегаются кто куда и прячутся. Водящий начинает искать. И если даже найдет кого, не факт, что отыграется и передаст эстафету другому. Нужно еще первым успеть прибежать и разбить «палочки», не забыв крикнуть во все горло имя того, кто будет водить. А бывало и такое. Нашел водящий игрока, бежит с ним наперегонки к заветной доске, а там ее

уже кто-нибудь разбил. Чья-то нога постаралась. И вновь собираешь палки, прикусив от обиды губу. Особенно так любил делать Санька Коробов. Мчится сломя голову на другую сторону дома вместе со всеми, обежит его, спрячется у арки и выглядывает, пока ты не уйдешь. Вот и крутишься у доски, как встревоженная наседка. Только зазеваешься или отойдешь на минуту — бац! Собирай поновому. Санька-негодник постарался. Любил этот Санек всю малину испортить. Исплюешься весь, пока водишь. Но тут неожиданно и к большому счастью для водилы приходил на помощь дядя Вася. Несешься, как слонопотам угорелый, вдоль стены дома и сараев и нет-нет да угодишь туда, где у старика трава сушится. Заприметит дядя Вася озорство и давай хаять как только может. И сразу каким-то новым щемящим сердце азартом наполнялась игра. Вроде бы тебя, как и прежде, ищет водящий, но в то же время опасно было попасться на другой стороне дома сердитому старику. Как бы уже два игрока следят за каждым твоим неверным шагом.

Обычным осенним невзрачным днем взрослые непривычно для них начинали суетиться. Дядя Вася точил на наждаке огромный нож, тетя Нина носилась с тазами, а Сергей, их сын, настраивал паяльную лампу, которая фырчала и сердито плевалась огнем. Я прижимался спиной к углу дома и ждал. Появлялись и другие ребяташки. И всех нас не покидала догадка: что-то сейчас произойдет. Все в предвкушении ожидали чего-то жутко интересного. Детское предчувствие нас не подводило. Минутами позже раздавался громкий свинячий визг. Свиное тело подвешивали за ноги, и желтые языки пламени ласкали его бока. Мы подходили ближе, но нас прогоняли. Ругались, чтобы мы не мешались. Но мы все равно стояли рядом и с интересом наблюдали за происходящим. Чернее черного обугленное свиное тело со скрежетом скоблили ножом. Дядя Вася подзывал нас к себе, желая угостить палеными свиными ушами и хвостом. Мы не спешили принимать такое угощение.

— Ну, чаво испугались? — улыбался, глядя на нас, старик. — Кто смелый?

Знал дядя Вася, как нас подзадорить. Мы

брали из его рук горячие черные уши и пробовали на вкус, по очереди передавая друг другу. Ухо приходилось подолгу жевать, так просто оно не откусывалось. Не хватало только горсточки соли. Но и без нее это лакомство мы оценивали по достоинству.

— Ну вот, а ишо брать не хотели, — расплылся в улыбке старик. — Лучше всяких конфет.

Чтоб не обидеть доброго соседа, мы смеялись и кивали головами.

Иногда дядя Вася ходил на реку удить рыбу и несколько раз брал меня с собой. Удочки были его. Я только выносил из дому ведро под улов, чем сильно веселил старика.

— Ты так всю рыбу изловишь, — подшучивал дядя Вася.

Я улыбался и хвастался, что так оно и будет. На берегу Вичкинзы каждый рассаживался как ему было удобно, насаживал на крючок червя и забрасывал леску. Поплавок лениво качался на легкой ряби воды. У меня не клевало. Поплавок мой только и знал, что привлекал какую-то одичавшую стрекозу. И как бы я ее не прогонял, она все равно возвращалась. По воде забавно носились водомерки, и мне было любопытно за ними наблюдать. Как ловко они бегают и не тонут. У дяди Васи клевало, и он умело вылавливал темно-зеленых ротанчиков и серебристо-зеленых гольянов. Снимал с крючка и запускал в мое ведро, которое, не успев еще прийти, я наполнил речной водой.

— И как потом рыбу делить будем? — спрашивал я.

— Как и положено, — подмигивал дядя Вася. — Та, что побольше, моя.

Я понимал шутку старика, но все равно с досадой жаловался, что не клюет совсем. Дядя Вася велел мне сменить червя и обязательно на него плюнуть. Я делал все, как он велел, — плевал на наживку.

— Ишшо! Не жалея, — подбадривал меня старик. А потом советовал забросить ближе к кустам, а еще лучше в самую лунку крыши колеса, которое лежало на дне. Я так и делал. И удача мне улыбнулась. Одного за другим я стал вылавливать ротанов. Но не любил я эту рыбу тем, что уж больно глубоко заглатывала она крючок. Дядя Вася огромными пальцами умеючи освобождал рыбинку и бросал в ведро.

Старик знал, где клюет хорошо и куда нужно закидывать леску, но я своим детским доверчивым сердцем верил, что все это благодаря плевкам. Ведро наше потихоньку пополнялось хвостами. Даже парочка небольших окуньков составила компанию нашему улову. Радости моей не было предела. Но каково же было мое удивление, когда, придя домой, дядя Вася отдал всю рыбу мне.

— Душой отдохнул, и то хорошо, — сказал тогда он.

Теплой ноченькой любил старик заночевать на улице под открытым небом. Укладывался на деревянной лежанке, что сам смастерил когда-то, и укрывался старой телогрейкой или одеялом. Иногда принимал немного на грудь и, разговаривая вполголоса сам с собой, любясь ночным небом, погружался в сон. Я хорошо помню то осеннее утро девяносто восьмого года. Ночью шел дождь. Опавшая желтая листва прилипла к сырому асфальту. Я, как обычно, с портфелем, еще полусонный, шагнул в школу. А по возвращении узнал, что дядя Вася умер. Похороны прошли быстро и тихо. В первую очередь помянуть старика позвали детей. Потом поминали взрослые. Со временем живность, которую держал старик, пустили под нож. Некому стало обихаживать. Привозить поутру на тачанке только что скошенную траву и стелить у гаража для просушки. С уходом дяди Васи испарилась в нашем дворе частичка чего-то старого и доброго из далекой жизни. А немного погода все мы шагнули в двадцать первый век. И мое веселое звонкое детство перешло незаметно в зеленую, полную мечтаний юность. Но я по-прежнему помнил старика. Его упорства, приткности, жизнелюбия и трудолюбия не хватало. Долго еще очень многое напоминало о нем в нашем дворе. Кругом и всюду оставались поделки, сделанные золотыми руками простого трудящегося человека.

Беседа

Как только солнце красочным пожаром разгоралось на горизонте, старик Афанасий выходил выгуливать собаку. Темно-рыжая дворняга Динга свободно носилась по пыльной дороге. Никто не держал ее на поводке, не приказывал, куда идти. Старик шел следом, наслаждаясь прохладой тихого утра. Собака старалась не ускользнуть из виду и потому далеко не убежала. Да и маршрут был хорошо известен обоим. Вдоль улицы, на которой стоял их дом, мимо старой школы и до оврага, где старик поставил скамью. Поначалу смастерил лавочку, но потом пригвоздил спинку, и получилась весьма добрая скамейка. Присядет Афанасий, поставит рядом клюку, передохнет. Пока Динга ходит по нужде и игриво носится туда-сюда, можно полюбоваться пейзажем. Вид в этих местах открывался необыкновенный. Вдали сосновый бор, а внизу узенькой тропинкой петляет река. Обычно в это время от неё шел туман. В небе ярким костром полыхают облака, а снизу веет прохладой. Забавно.

Этим утром Афанасий так же вышел из дому чуть свет и не спеша поковылял по улице, опираясь изредка на клюку. Проходя мимо школы, где когда-то учились его дети, остановился. Как и каждое утро, доброй волной нахлынули теплые воспоминания. Старик улыбнулся, передохнул и пошагал дальше. Сейчас школы нет и детей возят в соседнее село за семь километров. А когда-то, еще лет восемь назад, в этих местах, где пустует двухэтажное здание, без конца стоял веселый гам. Жизнь шумела вовсю. Где дети — там и жизнь. Рядом с юностью и старики чувствуют себя моложе.

Приближаясь к оврагу, Афанасий заметил еще издали чей-то силуэт. Кто-то сидел на скамье. Подойдя ближе, старик узнал гостя. Это был Егор Конюшкин.

— Утро доброе, — поздоровался Афанасий и присел рядом.

— Привет! — отозвался Егор.

— Чего скучаем?

— Да-а, — Конюшкин мотнул головой. — Не будет закурить?

Афанасий достал из переднего кармана ру-

бахи «примачка» и протянул собеседнику. Егор прикурил, поблагодарил, сделал глубокую затяжку.

— Продрог весь, как бирюк, — прохрипел мужчина. Затянулся. Сплюнул. Перевел взгляд на собаку, что гуляла рядом. — Очнулся у реки — ни живой ни мертвый. Трясусь, тела не чувствую.

— У себя чего не спалось?.. Повздорил?

— Повздоришь тут, когда она, окающая, даже слушать меня не желает. Слова лишнего не скажи — ноздри раздует, — Егор затянулся, стряхнул толстым мизинцем пепел. — Ей слово — она десять. Что за ушлая баба. Нет бы помолчать — что ты! — потер щетинистый подбородок, вздохнул. — Из трюма я.

— Опять? — подивился дед.

— А чего? Я там теперь чаще, чем дома, бываю. Зараза.

О том, что последнее время Егор не уживался с супругой, старик знал. Знали многие. Бранились, как на войне, — с выбитыми стеклами, разбитой мебелью и приездом полиции. Ссоры, конечно, бывали и раньше у них, но чтобы так... Никогда дело не доходило до «обезьянника». Последние полгода в семье Конюшкиных это стало частым явлением.

— Башкою своей не думает, на что жить будем. Гоже еще, что Прохор терпит. Отца покойного уважал и любил. Но и у него нервы не каменные. Пошлет на три советских сегодня, и куда я пойду? Сама нигде не работает и меня последнего заработка лишает, ведьма.

Афанасий только головой покачал.

— Пытайся сдерживать себя. В любом конфликте соглашение найти можно.

— Как же, поговоришь с ней, со змеюкой такой, — ворчал Егор. — Так она и послушает.

— Ну а руки распускать каждый раз — это тоже не дело.

— Я ее пальцем ни разу не тронул, — Конюшкин бросил окурочек на землю, растоптал ботинком. — Ни разу. Всю мебель побил, а ее... Кричать — кричал, но чтобы силой обидеть. Никогда.

— Просто так забирать-то не станут, — усомнился Афанасий.

— Свояк у меня там работает. Подкаблуч-

ник поганый. Так моя чуть что — сразу сестре: помоги, убивают. А с самой волосок ни один не упал. Они приедут — я на нервах. В избе все перевернул. Так они меня, голубчика, под белые рученьки — пожалуйста. Не впервой я у них.

— Действительно, второй дом нашел, — с досадой протянул старик. — Ну и как там?

— Чего как? А-а, да ниче. Кормят, кстати, неплохо. Есть время подумать, поразмышлять о жизни. Только вот относятся как к скоту последнему, словно человек и оступиться не может. Первые разы еще не замечают. А когда уже зачистил, и обматюгать могут, и дубиной приложить по спине, запросто, — Егор провел ладонью по небритой щеке. — Весной этой утопленничка вылавливали. Вода прохладная была, но уже купались. А тут дожди пошли, колотун стоял несусветный. Так нас пятерых в «буханку» покидали — и вперед. Тоже вот не каждого попавшего взяли. Пьянчуг всяких да бродяг. И меня к ним сунули, гады. Привезли к пруду и велют нырять. Эти-то сразу одежду с себя побросали — и в воду, а я еще копошусь. Получил по загривку. Обматюгали с ног до головы. Голос злой. Видно, не до шуток им — жмурика найти надо. Пришлось раздеться. А вода холодная. Промерзли до посинения.

— Нашли?

— Нашли. Куда он от нас денется. Потом неделю соплями харкались, — Конюшкин для убедительности покашлял в ладонь. — Так что вот так. А вчера вечером выпустили, домой решил не идти. Обида таилась. Выговориться хотелось. Чего доброго опять упекла бы. Дай, думаю, самогоном душу вылечу. Пошел к Клавке — у ней хороший. Взял в долг, нарвал яблок и на реку. Ноченька какая была, а! Звездная, теплая. Всю душу истеребил, пока размышлял о жизни. А поутру очнулся, себя не чую, — Егор сморщил лоб, опустил голову. Немного помолчал. — Вот так и живем, дед.

— Н-да, — протянул Афанасий. — Что тут скажешь... Ничего хорошего.

— Кто бы спорил. Да только как ее, жизнь-то, лучше сделать, а? Да никак. Не по любви сошлись, вот и мучаем друг друга. Раньше хоть какая-то малость уважения была, сейчас и ее нет.

— Тогда и жениться нечего, коль не по любви, — заметил Афанасий.

— Легко сказать. А поди найди ее, любовь-то. Она за каждым углом, что ли, прячется? Полюбишь какую-нибудь кокетку еще — потом петлю залезешь. Нет уж, спасибо. Да и кому я нужен с такой работой и заработком. Смолоду не набрался ума, теперь вот кусай локоть. Рядом, а фигушки. Дураком был, что в армии не остался. Другая жизнь была бы, думаю.

— А так по трюмам лучше мотаться? — спросил Афанасий. — Это не жизнь.

— Одному жить тоже не дело. Одиночество быстрее сгубит. А то, что не по любви... Да больше половины так живут. То ли, как и я, не любя сошлись, то ли потом узнали, что не та она, оказывается, единственная. И ничего же, живут. Можно же жить и притворяться, что все хорошо.

— Нельзя.

— Да можно, можно! Еще как можно! — Егор встал на ноги, нервно прошелся взад-вперед. — Живут же люди. Живут, я знаю, — опустил голову, провел ладонями по лицу. — Всем охота семью. И юным, и сорокалетним. Всем. Никто не желает быть один. Так почему бы не притворяться, что все хорошо? Ведь так?

— Нет, Егор, не так.

— Да как же не так-то?! Все так. Так. Можно же и на притворстве счастье построить. Ну... — Конюшкин приутих, перевел дыхание, жалобно произнес. — Ну ведь можно же, дед?! Можно.

Афанасий склонил голову. Что говорить, не знал. Да и что тут скажешь? В голосе Егора чувствовалась такая боль, что невозможно было сейчас спорить и опровергать его слова. Но разве есть в них правда? Разве можно на притворстве счастье обрести? Ведь они с Евдокией сорок семь лет прожили вместе и через всю жизнь пронесли любовь. А ведь тоже и ссоры были, и обиды, и недопонимание... Как без этого! Но всегда были открыты друг перед другом, жили с правдой. Никакого притворства, никакой лжи. Не мог Афанасий, как бы и ни старался, понять, как можно жить с человеком без уважения и доверия и притворяться, что все хорошо. Не мог.

— Допустим, — кивнул старик. — Но что же

тогда у тебя не все ладно? Что же несчастлив, раз все хорошо?

— У меня... Я... — Егор зажмурился, помолчал, открыл глаза, сдвинул брови. — Я детей хочу. Дочку. Сына. Хочу малышей. Тридцать восемь лет прожил, дед, а сказать нечего. Как один день пролетела жизнь. Ничего путного не было. Вся жизнь в двух словах. Сядешь, бывает, вечером на крыльце, закуришь, и до того одиноко и тоскливо становится, что хоть волком вой. В груди все от боли сжимается, так и хочется вырвать сердце и растоптать. Для чего живу, зачем? Были бы дети, хоть какой-то смысл появился. А так... Ведь во мне доброта есть, я знаю. Только вот за одиночеством, за недопониманием и за злобой спряталась так глубоко внутри, что не найти. Я ведь, когда к Прохору в избу захожу, так у меня сердце в радостях бьется как шальное, когда внучка его встречать выбегает. Возьмешь на руки, прижмешь к себе, а она за нос тебя схватит и смеется. Самой всего три годика, а столько радости мне, взрослому дураку, приносит. Начну с ней играть, а сам чувствую, как внутри меня все хорошее просыпается. Так охота весь мир приобнять и сделать что-нибудь доброе. Так... — у Егора задрожал подбородок, он еще сильнее нахмурил брови и отвернул взгляд.

— Так в чем же дело? — спросил Афанасий.

— Не хочет она детей.

— Почему?

— Не знаю. Не хочет, и все, — Егор снова попросил закурить. Афанасий достал сигарету, отдал. Конюшкин прикурил, сделал глубокую затяжку, выдохнул носом. — В прошлом браке, говорит, натерпелась. Хватит. Привязанной быть ни к кому не хочет. Поначалу как-то откладывали все на потом, теперь и вовсе не желает. Не нужны ей дети.

— Детей воспитывать в любви и гармонии нужно. А если как у вас — то мир, то война... Сам должен понимать. Нехорошо это.

— Я все понимаю, дед. И ей об этом же не раз твердил. Роди ребеночка, да я тебя на руках носить буду, ноги целовать, слова грубого не скажу... У нас ведь последнее время только на этой почве ругань и происходит. Я ей про детей, она — отстань! Да какое отстань! Скоро на кладбище место выбирать, а ей все отстань.

Все хиханьки да хаханьки, — Егор поднялся на ноги, нервно перебирая губами сигарету. — Придешь с работы — на столе пусто. В холодильнике — остатки вчерашнего супа. Чем, спрашиваю, весь день занималась? Ничем. На диване пролежит, а мужа с работы встретить по-людски не удосужится. Трудно на стол накрыть, чтобы как у всех — зашел в избу, а тебя аромат свежего борща встречает. Сама нигде не работает... Согласен, у нас тут с работой не просто. Но хотя бы по дому занимайся, по хозяйству. Женщина ты или не женщина, в конце концов! Какого поросенка — и того завести не можем.

Егор бросил окурок под ноги, растоптал каблучком. Присел на скамью.

— Роди мне ребеночка, слова лишнего не скажу. Сиди хоть до старости дома. Только воспитывай. До ночи работать буду, — Конюшкин посмотрел на старика. — Только и знает нос воротить. Это не так, то не то. Извини, министром не стану.

В небе, в сторону реки, пронеслась утка. Где-то на задах пропел песню петух. Поглядывая на макушки сосен, Афанасий вспомнил Евдокию и сыновей. Жену схоронил, дети давно разехались по городам, но каждое лето и в новогодние праздники навещают старика. Не забывают, кто перед сном целовал им ручки и рассказывал сказки. Приятно с возрастом осознавать то, что и ты внес в этот мир частичку себя, из маленького комочка воспитал таких орлов, которые пусть и далече от дома, но всегда будут славить родного отца и нести людям свет. В этом большой смысл. С годами осознается это особенно.

— ... Начнем с Настенькой в прятки играть...

— Что, прости? — Афанасий задумчиво перевел взгляд.

— Я говорю: когда у Прохора в гостях бываю, с внучкой его в прятки играем. Больно уж ей нравится. А тут как-то спряталась, значит, за занавеской, я нашел. А на подоконнике у них кактус стоит. Она мне — дядь, погладь цветок. Я: зачем? Она: надо. А я-то знаю, что он колется. Коснулся пальцами иголок, сделал вид, что укололся, машу ладонью, а Настя смеется. Ах ты, говорю, хитрюнька такая, — Егор впервые за всю беседу улыбнулся. И ска-

зано из его уст было и вправду смешно, что и Афанасий расплылся в доброй улыбке. — Обманула, говорю, дядю. Обманула.

— Дети, они такие. Лишь бы пошалить, — согласился Афанасий. — У меня же парни росли, сорванцы еще те. Прихожу домой как-то раз, уселся обедать, слышу, под столом Барсик песни распевать стал. Глотку тянет, голос противный. Ну и пнул я его разок тапкой. А он, бедный, с боку на бок переваливается, а на лапах устоять не может. Не пойму сначала, в чем дело, заболел, думаю, может. Потом выяснилось, что валерьянкой его напоили. Вот архаровцы. Сами, спрашиваю, додумались или услышали от кого да решили попробовать? Сами — смеются. Вот и скажи... соображалку какую иметь надо, а?

Егор тоже тихонько закричал, засмеялся. Весело мотнул головой, глаза сузились. Старик было приятно, что из задумчивой, грустной беседы перешли на легкий разговор. О детях и правда было интересно поговорить. Смешных и веселых историй он знал много. Да и Егору, как ему показалось, захотелось послушать и поговорить о чем-то более оживленном и веселом. Ну ее, печаль, к такой-то бабушке. Погрустили, и хватит. Все наладится. Обязательно наладится. Не всегда жизнь

идет белой полосой, понимать это тоже нужно.

— Ты голодный, наверное? — спросил Афанасий.

— Есть немного.

— Вот что, пошли-ка ко мне, перекусим малость, — сказал старик, и они с Егором не спеша вышли на улицу. Динга бежала впереди, указывая дорогу и виляя весело хвостом. — А тут еще случай был...

Засмеялся Афанасий, и Егор, глядя на старика, тоже улыбнулся.

□

Антон Евгеньевич ЛУКИН

родился в 1985 году.

Окончил Ардатовский аграрный техникум.

Прозаик. Автор девяти книг прозы.

Публиковался в периодических изданиях, среди которых

«Наш современник», «Огни Кузбасса»,

«Литературная учеба», «Южная звезда», «Молодая гвардия»,

«Литературная газета», «День литературы» и др.

Лауреат премии «Умное сердце» имени Андрея Платонова (2012).

Дипломант всероссийского конкурса «Золотой Дельвиг» (2013).

Лауреат ресурса «Российский писатель» в номинации «Новое имя» (2013),

гран-призер литературного конкурса «Хрустальный родник» (2014),

финалист международной Южно-Уральской премии (2015).

Член Союза писателей России.

Живет в селе Дивеево Нижегородской области.

